

Герой и помощник в волшебном мире

...от исследования отдельных мифов мы придем к рассмотрению путеводных схем, располагающихся на той же оси. В каждой точке этой оси, выявляемой схемой, можно провести, так сказать, по вертикали, другие оси, представляющие собой результат той же самой операции; они являются следствием анализа мифов соседних народностей, обнаруживающих сходство с исходным мифом, а не отличных от него мифов той же народности. Благодаря такому подходу путеводные схемы упрощаются, обогащаются или трансформируются. Каждая из них порождает новые оси, перпендикулярные предыдущим в другой плоскости, и в результате двоякого движения – проспективного и ретроспективного – на новых осях проявляются последовательности, извлеченные или из мифов более отдаленных народностей, или из мифов уже рассмотренных, которые сначала были оставлены без внимания, потому что казались бесполезными или не поддающимися интерпретации. По мере того как нечеткий контур сферы нашего исследования охватывает все большие области, ядро данного проекта конденсируется и организуется. Разрозненные нити соединяются, лакуны заполняются, устанавливаются связи, и сквозь хаос начинает проступать нечто, напоминающее порядок. Вокруг исходной группы, словно вокруг зародышевой молекулы, образуются последовательности, упорядоченные в группы трансформаций и повторяющие структуру и детерминации исходной. Постепенно выстраивается многомерное образование, центральные части которого обнаруживают определенную организацию, тогда как на периферии еще царят неопределенность и смешение.

Клод Леви-Стросс ([Леви-Стросс 1999: 12-13]).

Длительное структурное изучение волшебных сказок привело к тому, что многие законы, которым подчиняется этот жанр, известны уже достаточно хорошо. Более точно можно было бы выразиться, используя выражение К. Леви-Стросса: наиболее хорошо изучена организация «центральной части» жанра, или тех сказок, которые наилучшим образом подчиняются схеме, открытой В.Я. Проппом. Интерес же к явлениям менее типичным, «периферийным» приводит – вольно или невольно – к новым обсуждениям как метода исследования волшебных сказок, так и границ самого жанра, от констатации, что «сказки "могут" больше, чем нам кажется» ([Костюхин 1997: 17]) до отказа не только от модели Проппа, но и от мотивного анализа текстов (см., например, [Кербелите 2005, 2006]).

Цель настоящей работы – рассмотреть одно из таких «периферийных» явлений, а именно волшебные сказки, в которых отношения героя и помощника выходят за рамки

привычной модели. Точнее можно было бы сказать, что в таких сказках помощник имеет некоторые черты героя, иногда настолько сильные, что можно говорить уже не об одном герое, а о двух. Как мы знаем, обычно герой волшебной сказки может быть выделен без труда, а следовательно, легко определяется и помощник героя. Нас же будут интересовать «нетипичные» сказочные помощники, в особенности персонажи тех сказок, в которых однозначное выделение героя и помощника затруднительно. Сначала мы опишем типы сказок, в которых можно наблюдать это явление, а затем попытаемся выделить те черты, которые отличают рассмотренные сказки от большинства других. Такой порядок работы приведет нас от анализа сюжета как последовательности действий к анализу семантических оппозиций и закономерностей, существенных для подобных текстов, а также их связей с другими сказочными сюжетами.

Вопрос о происхождении таких сказок мы затрагивать не будем. В дальнейшем будем исходить из того, что все рассматриваемые тексты записаны и бытовали примерно в одно время (так, приводимые записи относятся к периоду XIX – первая половина XX в.), иными словами, что устная сказочная традиция допускала одновременное существование как более традиционных сюжетов, так и изучаемых случаев.

Материалом исследования служат русские волшебные сказки. Для сравнения привлекаются тексты из известных сказочных сборников, не полностью принадлежащие к жанру волшебных сказок. Все такие случаи будут оговорены особо. Заметим, что для изучения «периферийных» сказочных явлений расширение жанровой принадлежности рассматриваемого материала, по-видимому, необходимо. Недаром, по словам Е.А. Костюхина, «обзор "нестандартных" сказок, расположившихся в указателе Аарне-Томпсона большей частью в разделе сказок волшебных, показывает, что все они смыкаются с иными видами фольклорной прозы, да и не только прозы» ([Костюхин 1997: 17]).

«Периферийность» или «нестандартность» рассматриваемого явления подтверждается и тем, что сказок, в которых отношения героя и волшебного помощника (а также и других персонажей) отличаются от привычного, крайне мало. Так, из 303 сказок в сборнике Н.Е. Ончукова для анализа было отобрано только 7 примеров. Затрудняется подсчёт ещё и тем, что «непривычность» помощников может быть большей или меньшей, что видно при сравнении различных вариантов одного или близких сказочных сюжетов, принадлежащих как к одному типу по классификации Аарне-Томпсона, так и к различным.

В работе рассматриваются различные виды возможных «нетипичных» помощников. Явление это, хотя и редкое, нельзя назвать единичным, однако вопрос о его

распространенности, по-видимому, еще предстоит разрешить. В дальнейшем для иллюстрации будут приводиться только отдельные примеры сказок, однако использование уникальных сюжетов специально оговаривается в тексте статьи.

Сначала обратимся к описанию типичных взаимоотношений героя и волшебного помощника. Как известно, понятие *помощника* ввел В.Я. Пропп в своей классической работе «Морфология сказки». Саму волшебную сказку Пропп определял двояко: с помощью устойчивого набора функций и с помощью персонажей, действующих в сказке. Персонажи при этом определяются по функциям, которые они выполняют в повествовании. Нас, естественно, интересуют те функции, которые специфичны в волшебной сказке для героя и для помощника. Для героя, согласно, В.Я. Проппу, таковыми будут: *отправка в поиски, реакция на требования дарителя, свадьба*, причём отправка «характерна для героя-искателя, герой-жертва выполняет лишь остальные». В функции помощника входят: *пространственное перемещение героя, ликвидация беды или недостачи, спасение от преследования, разрешение трудных задач и трансфигурация* героя ([Пропп 1998: 60-61]). При этом герой может обходиться вообще без помощников (по выражению В.Я. Проппа, в этом случае он «как бы сам себе помощник», [Пропп 1998: 62]), или же помощник выполняет некоторые из немногочисленных функций героя. Наиболее же обычным для волшебной сказки является распределение активности (и, соответственно, выполняемых функций) между героем и помощником. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик и Д.М. Сегал сформулировали эту зависимость следующим образом.

«Если между агрессивностью вредителя и активностью героя наблюдается прямо пропорциональная зависимость, то между активностью героя и количеством сказочной помощи – зависимость обратно пропорциональная. Крайними формами этого соотношения (в обоих случаях выходящими за пределы собственно волшебной сказки) будут, с одной стороны, полное замещение героя помощником (типа дядьки Катома) и, с другой, полное отсутствие чудесной помощи у такого героя, как "starke Hans" или "юный великан". Между этими двумя случаями можно расположить всю гамму форм сказочной помощи – от простого "дорожного" совета до помощи невесты в царстве демонического существа» [Мелетинский и др. 2001: 79].

Теперь мы можем более точно сформулировать, какие именно явления будут интересовать нас в первую очередь:

€ в сказке активны и герой, и другой персонаж (помощник);

€ и герой, и помощник получают награду в финале сказке. В ряде случаев (например, свадьба героя и его невесты-помощницы, воссоединение семьи) награда герою одновременно служит наградой и для помощника;

€ трудно выделить однозначно, кто из двух персонажей сказки является героем (в частности, это означает, что оба персонажа являются людьми). Такие случаи нужно отличать от сюжетов, в которых действует «множественный герой», т.е. несколько персонажей совместно добиваются одной цели, как, например, в сказках, относящихся к типам СУС 653 *Семь Симеонов*¹ (братья, овладевшие различными искусствами, добывают царевну), 654 *Три искусных брата*, и некоторых других.

Первая пара персонажей, которую мы рассмотрим, – это герой в царстве демонического существа и его невеста-помощница. Эти герои действуют в сказках, относящихся к довольно распространенному типу 313А,В,С *Чудесное бегство*²: герой, обещанный некоторому демоническому существу (Водяному, лешему, черту), выполняет с помощью невесты ряд трудных задач, и пара бежит в мир людей. Особое внимание обратим на сказки, относящиеся к типу 313С, которые заканчиваются эпизодом «Забытая невеста»: вернувшись домой, герой забывает свою чудесную невесту (часто вследствие нарушения некоторых запретов). Родные собираются его женить, во время свадьбы первая жена напоминает о себе, как, например, в сказке Онч 60:

Когда подъехали к волости, он ей (герой свою невесту – *А. Р.*) оставил у бабки-задворенки. «Пусть тебя хорошенько стретят». Пришел затем, его стретили, подпили, подкутили, да он ю и забыл. Родители задумали его женить, он и согласился женицца. Невесту сосватали, за невестой его требуют, он и походит. Жона узнала, бабке и говорит: «Бабка, поди-ко купи ячменю». Бабка купила, она в горшоцьку болтала-болтала-болтала, в печь и вылила. А оттуль из печи вылетели голубок да голубка. Она в платок завернула да на свальбу и пошла. Пришла на свальбу, их из платка и выпустила. Голубь от голубки летат проць, а голубка и запела:

– Не забудь, голубь, голубушка,
Не так, как Иван хресьенської сын
Федору-премудру в цистом поли.

Заволновался народ и говорят: «Портеж, потреж». А он очуствовался. «Ой, я жонатый, отпустите меня». Вышел из за стола, жону взял, да и стали жить.

Приведенный пример показывает наиболее частый случай узнавания в этих сказках: невеста-помощница заставляет жениха вспомнить себя с помощью магии. В

¹ Здесь и далее номера сказок по международной классификации Аарне-Томпсона приводятся в соответствии с СУС. Примеры сказок даются с указанием номера текста в соответствующем сборнике.

² Типы 313А и В отличаются начальным эпизодом, объясняющим, почему герой был обещан демоническому существу. Тип 313С содержит финальный эпизод «Забытая невеста».

сказке Смирн 236 финал нетипичен: обиженная чудесная невеста сама отказывается от жениха.

И он бросил свою халупку и забыл пра нее, и они: «Давай теперь тея жанить», – а он пра своя халупку им не кажет, и он ее сафсем забыл, и они ево сабрались жанить. Пасадили на пасад, и ана, эта халупка, прилетела и проть ево села. И он глянул и узрил ее. Ну, она ему отвечает: «Ты меня забыл; табе радных видать, а я буду какушкой кукавать».

В рассмотренных сказках невеста выполняет следующие функции:

- € решает трудные задачи вместо героя;
- € бежит вместе с героем, спасая от преследования его и себя (последнее приближает ее к роли героини сказки);
- € тем самым она ликвидирует начальную беду (герой, обещанный демоническому существу, освобождается от его власти);
- € наконец, она является конечной сказочной ценностью; при этом свадьба служит наградой не только для героя, но и для самой чудесной помощницы.

Последнее особенно заметно в сказках типа 313С, вторым ходом которых является эпизод «Забытая невеста». Здесь сама чудесная невеста является героиней, а ее жених – объектом, за который идет борьба.

Итак, в рассмотренных сказочных типах невеста-помощница наиболее близка к роли героини сказки. В уже цитированной работе Е.М. Мелетинского и его коллег соотношение героя и его партнера по браку рассматривается следующим образом:

«...можно сказать, что степень "чудесности" героя обратно пропорциональна степени "чудесности" невесты... <...>

Соотношение между героем (героиней) и потенциальным партнером по браку (женихом или невестой) существенно не изменяется и в том случае, когда их участие в сюжете уравнивается настолько, что они оказываются по существу равноправными героями сказки. Набор динамических и статических признаков и в этом случае распределяется между ними в системе той же обратно пропорциональной зависимости» [Мелетинский и др. 2001: 80].

Итак, в сказках, принадлежащих к типу 313, невеста-помощница активна настолько, что ее уже можно считать и героиней сказки. Сравним этот сюжет с другими сказками, в которых невеста или жена героя активна и доброжелательна по отношению к жениху или мужу. В сказках, относящихся к распространенному типу 465 А *Красавица-жена* («*Пойди туда, не знаю куда*»)³, чудесная жена героя также является и его помощницей: она выполняет трудные задачи царя, кроме самой последней, часто помогает советом или обеспечивает герою помощь своих родственников (например, Бабы-

³ См., например, Аф 212 – 215.

Яги). Однако в этих сказках герой отправляется из дому один, иногда по ходу дела приобретая и других волшебных помощников. Иными словами, в этих сказках герой и помощник (помощники) выделяются однозначно и говорить о паре почти одинаково активных персонажей нельзя.

Совершенно иное соотношение ролей видим в «женских» сказках, относящихся к типу 432 *Финист ясный сокол*, например, в сказке Аф 234 «Пёрышко Финиста ясна сокола», где героиня добивается чудесного жениха:

На третий день сидит красная девица, держит в руках золотое пялечко, а иголочка сама вышивает – да такие узоры чудные! Загляделась просвирнина дочка. «Продай, красная девица, продай, – говорит, – мне свою забаву!» – «Пожалуй, купи!» – «А как цена?» – «Позволь с твоим мужем третью ночь перебыть». – «Хорошо, я согласна!» Вечером прилетел Финист ясный сокол; жена опоила его сонным зельем, уложила спать и посылает работницу мух отгонять. Вот красная девица мух отгоняет, а сама слезно причитывает: «Проснись-пробудись, Финист ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала – все тебя, милого, искала!» А Финист ясный сокол крепко спит, ничего не чувствует.

Долго она плакала, долго будила его; вдруг упала ему на щеку слеза красной девицы, и он в ту же минуту проснулся.

В этих сказках героиней, конечно, является девушка. Она активна, чудесный жених, как и в эпизоде «Забытая невеста», пассивен и служит объектом борьбы. Заметим, что он и не оказывает героине никакой помощи в ее поисках, так что его роль сводится к роли брачного партнера, т.е. к роли конечной сказочной ценности.

Последний пример, который мы рассмотрим, также относится к сюжетам о спасении от демонического существа. Однако в данном случае речь пойдет не о волшебных сказках, а о типе 813В *Проклятый внук*, который относится к сказкам легендарным. Например, в сказке Онч 96 читаем:

Стал у бабки внук женильца. Она взяла, ёго на венцяльном пороги прокляла. Как от венця пошли, ёго цёрт и взял. Ну и осталась молодуха одна, и слезно плачет-живёт, што мужа не стало. Ёна посылает свёкра искать мужа, и свёкор стал на другой день и говорит хозяйке своей: «Спеки колубков с собой».

<Отец находит сына, но боится последовать за ним. На поиски отправляется молодая жена>.

И приходят ёны опеть к эхтой опеть норы и розставаютця ёны слезно тут, и он ска: «Прощай, тебе меня больше не видать топерь». Она говорит: «Куды ты, туды и я». – «Нет, ска, ты след меня не ходи, сделай милость». – «Нет, ска, я пойду, ни за што не отстану», – говорит. И ён пал, и ёна постояла, постояла да и пала след туды. «То, – ска, – всё равно: гди он, там и я, одна жизнь». И ёна как пала след туды, там дорога, дом, а ён уж к дому подходит туды. А ён говорит хозяйки: «Ой, – ска, – погибли мы топерь зараз, ты и я, за меня топеряця свадьба играэтця, дочьку за меня выдавають». Ну ёны как приходят туды, так сидит старик в избы, страсть и глядеть. Он ска: «Это ты кого, – ска, – привёл?» Он ска: «Это жона моя». Она этому старику и в ноги. Он ю бил, ломал, лягал, щипал, всяко ю ломал. Как ён ю заступил ногой, так ёна худым голосом рычит, на глотку стал. Потом говорит: «Несите ю, ёго да ю стащите обых к дому вон, откуль взяли их, штобы дух их не пахнул». Ну их и потащили и притащили ночью, о крельце хряснули, так только хоромы

Однако ни платья, ни слуги, ни другие подарки чудесного жениха не помогают героине пройти сказочное испытание – не только в этом сказочном типе, но и в других. Таким образом, речь идет не о том или ином виде сказочной помощи, а скорее о свойстве или атрибуте, подчеркивающем волшебную силу жениха, подобно тому, как чудесные умения (ткать, пряхсть, стряпать, танцевать и т.п.) подчеркивают волшебную силу чудесной невесты во многих сказках.

Теперь рассмотрим отношения между братьями, как их отображает волшебная сказка. Наиболее частый для русской сказки случай – три брата. В этом случае, как мы знаем, героем чаще всего является младший брат, а старшие братья пытаются присвоить себе его достижения, т.е. являются ложными героями. Такое развитие действия можно видеть во многих сказках, относящихся к змееборческим типам 300, 301А, В, сказках о трудных задачах (например, в типах 530, 531, 551) и других. Иногда соперничества между братьями не возникает: старшие братья не могут победить змея или выполнить задачи, необходимые для женитьбы на царевне (иной же раз и вовсе не пытаются участвовать в сватовстве), но и не пытаются занять место героя или извести его. Таких персонажей Е.С. Новик остроумно назвала «недогероями»⁴.

Гораздо реже в волшебной сказке несколько братьев действуют как один герой. Типичным такой «множественный герой» является для сказок типа 653 *Семь Симеонов*, однако возможны и различные другие случаи. В подобных сказках несколько героев (часто больше трех) действуют совместно и выполняют одни и те функции.

Наибольшее разнообразие видим в сказках, где братьев двое. Так, кроме перечисленных возможностей (соперники, множественный герой, герой и «недогерой») в таких сказках один брат может служить и спасителем другого (т.е. брать на себя функцию помощника, оставаясь при этом героем сказки). Чаще всего это явление можно заметить в сказках, относящихся к типу 303 *Два брата*. Рассмотрим сказку Онч 4 «Федор Водович и Иван Водович»: царская дочь беременеет от воды, рождает двух сыновей. Братья отправляются в странствие, получают «охоту» (животных-помощников) и расстаются у камня. Федор Водович побеждает трех змеев, спасает царевен, женится на младшей, получает от царя «полжиться и полбытья». Яга-баба во время погони за птицей превращает его в камень. Иван-Водович оживляет брата. Финал этой сказки нетипичен, гораздо чаще оба брата получают по собственному царству:

Тогда пошли они в тот город, из котораго за птицей угнались. Приходят в тот город и встречает их народ с честью, с радостью, и не могут их признать, которой зеть – оба одинаки. Тогда Фёдор Водович поступил во свое место, ко своей жены, ко своему батюшку царю в том царстве жить. А Иван Водович со своим братом распротился и поехал ко своей матушке родимой во свое царство.

⁴ Е.С. Новик, устное сообщение.

Еще один сказочный тип, в котором обычно действуют два брата, – тип 567 *Чудесная птица*: братья съедают чудесную птицу (часто приготовленную их матерью для любовника), которая дает богатство и возможность стать царем, и бегут от предполагаемой гибели. В таких сказках братья могут либо всё время действовать как один, либо же в какой-то момент между братьями возникают различия. Приведем примеры обеих возможностей. В сказке Онч 65 дети съедают чудесную уточку, под левым крылом которой написано: «Если эту уточку съедят двое, то один будет царем, другой министром» и бегут от матери и ее любовника, которые хотят их убить.

Дети эти ходили несколько лет и наконец пришли к одной старушке. А в этом месте все звонили в звоны, дети и спросили: «Почему, бабушка, у вас всё звонят?» – «А у нас, доброты, от того звонят, что выбирают царя да министра». – «Да как выбирают-то их?» – «А у нас есть лампада перед иконою Божьей Матери, под ней проходит народ, и она сама засветится тогда, когда под ней пройдет человек, который должен быть царем; а когда засветится другой раз, то тот, кто пройдет второй, будет министром».

В сказке Оз 35 «Талань» царство получает один брат, второй же становится «наследником» и в конечном итоге выигрывает собственное царство. Однако в финале этой сказки братья отправляются домой «посмотреть нашего отца, да мать-поганку» и вместе наказывают ее.

Итак, как мы видим, если два брата действуют вместе либо один является помощником другого, волшебная сказка стремится устроить судьбу каждого, что, как правило, не происходит при большем количестве совместно действующих героев.

Один из братьев может брать на себя функции помощника другого не только в рассмотренных типах, хотя явление это довольно редкое. Примером служит сказка Сиб 45 «Маранда-царевна», представляющая собой уникальную контаминацию типов 300А *Бой на Калиновом мосту* и 513А *Шесть чудесных товарищей*. В этой сказке полностью отсутствует соперничество братьев, из которых «младший был сильный богатырь, а старший не сильный». Младший брат побеждает змея в первой части сказки, что заставляет признать его героем этого эпизода, тем более, что старший брат в битве не участвует. После победы над змеем старший брат выражает желание жениться на Маранде Прекрасной, а младший обещает ему помогать. Этот эпизод уже относится к типу 513А и, как во всех сказках этого типа, в нем появляются помощники, обладающие чудесными умениями (много съесть и выпить, охладить раскаленную баню). Заметим, что контаминация типов в этой сказке выглядит несколько искусственной (помощь младшего брата в сватовстве никак не проявляется), однако нас в данном случае интересует именно само появление нетипичных отношений между братьями.

Итак, отношения между братьями в волшебной сказке могут быть расположены на оси от совместных действий до соперничества (см. схему 2). Заметим, что при том, что в

целом наиболее активный и удачливый из братьев обычно является героем сказки, существует и обратная возможность, и именно этот брат играет роль помощника более пассивного героя (см. пример Сиб 45).

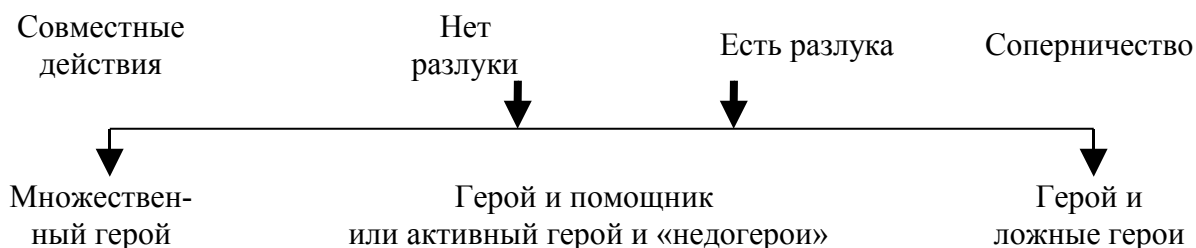

Схема 2

Следующая пара сказочных персонажей, которую мы будем рассматривать, – это безвинно гонимая героиня и её ребенок. Интересующее нас явление почти равной активности двух персонажей чаще всего встречается в сказочных типах 707 *Чудесные дети* и 707* *Щенок-богатырь*. Для сравнения рассмотрим также сказочный тип 706 *Безручка* и отчасти тип 938 *Евстафий Плакида*, относящийся к новеллистическим сказкам.

Сказочный тип 707 *Чудесные дети* относится к широко распространенным. Приведем описание этого типа по СУС.

Царь (царевич) подслушивает разговор трех девушек-сестер; женится на младшей, обещавшей родить прекрасных сыновей; детей, рожденных ею в отсутствие царя, подменяют сестры (ведьмы) щенятами (зверенышами); царь приказывает посадить жену с новорожденными в бочку и бросить в море; бочка приплывает к острову, где сын основывает царство чудес-диковинок; царь едет посмотреть на диковинки и встречается с женой и детьми; клеветницы наказываются.

К этому описанию добавим, что, по-видимому, наиболее частым вариантом является помещение героини в бочку с одним ребенком, которого ей удастся спрятать, так что одной из диковинок, которые сыну необходимо добыть, являются его родные братья. Все дети героини наделены чудесными свойствами (по крайней мере, чудесной внешностью). Кроме того, сын, оставшийся с царицей, часто не нуждается в волшебном помощнике, поскольку сам обладает магическими умениями, например, обращается птицей или насекомым.

Основным отличием типа 707* *Щенок-богатырь* является то, что героине не удается спрятать ребенка, и в бочку ее сажают вместе с животными или «простым ребенком», которыми подменяют рожденных ею чудесных детей. Именно приемный ребенок и находит диковинки и выручает братьев. Сокращенный вариант этого типа (без основания царства и отдельного эпизода с вручением братьев) видим в сказке Смирн 131

[По колена ноги в золоте], где трое сыновей царицы подменены щенком, котенком и лягушкой.

Шли, шли; пришли, глядят – батюшки, как баско: чисты поля, зелены луга, поточки царски поют песни арски. Идут, любуютча: «Вот так баско!» Видят: тут дом стоит, большой такой, может вон с черковь, али больше. Они туды заглянули, сидят там трое деточек, ужа таких-то славных да отважных, в красных рубашечках все, ученые такие, жаль поглядеть. Царица и плачет, горько плачет: «У всех, говорит, детки, как есть, а у меня ишь гаведа какая! Хоть бы провалились куды-нибудь». Лягуша и говорит будто ей: «Не сбывай ты нас, мамонька, не сбывай: твои ведь все, а в домике-то в красных рубашечках-то братчики наши». – «Как, – говорит, – так?» – «А так, – говорит. – Яги-баба их примыла, принарядила да сюды и пустила. Вишь, какие умные топерь сделались».

В сказках, относящихся к типам 707 и 707*, активность в той или иной степени проявляют и царица, и ее дети. Можно отметить следующую закономерность: если ребенок, свой или приемный, успевает вырасти, то он всё более стремится к превращению в полноправного героя сказки. Так, во всех сказках, относящихся к типам 706, 707 и 707*, счастливым сказочным финалом является воссоединение семьи, что, очевидно, в наибольшей степени служит наградой для героини. При этом в типе 706 *Безручка* ребенок является скорее атрибутом материнства, чем персонажем, и лишь в некоторых вариантах он помогает узнаванию, рассказывая «сказку» о злключениях матери перед ее братом и мужем. В 707 типе положение меняется, и сказка всё более склонна следить за приключениями выросшего чудесного сына царицы (придавая ему и некоторые черты волшебного помощника). В ряде вариантов эта тенденция усилена. Так, в сказке Онч 5 «Федор-царевич, Иван-царевич и их оклеветанная мать» Федор-царевич не только выручает брата, подаренного «страшному царю», но и добывает «девичу», на которой женится, т.е. получает собственную награду в виде свадьбы. В варианте Сиб 35 «Короста» (тип 707*) приёмный сын спасает братьев от трехглавого змея, что отчасти сближает его с героями сказки «Катигорошек» (312D). Здесь приемный сын не получает отдельной награды, однако упоминается в финале, в сцене узнавания, когда героиня колеблется, возвращаться ли ей к мужу:

«Нет, - говорит мать, – зачем мы пойдем? Ты погубить нас хотел, погубишь опять». Стал он (царь – А.Р.) прошенья просить да уговаривать идти к нему жить. «Ну ладно, пойду, если сына Коросту возьмешь: это он их спас, он всё сделал»

В качестве последнего примера рассмотрим сказку Смирн 242, отнесенную комментаторами к типу 706 *Безручка*. Сказка эта, по всей видимости, занимает промежуточное положение между волшебной и легендарной. Во-первых, в отличие от большинства вариантов данного типа, отрубленные руки героини не исцеляются, так что она так и остается однорукой. Во-вторых, узнавание в этой сказке происходит на поле боя, где выросший герой храбро сражается, а его мать в мужской одежде ухаживает за

ранеными. Мотив узнавания разлученных родственников на поле боя характерен скорее для легендарного сюжета 938 *Евстафий Плакида*. Заметим также, что переодевание девушки или женщины в мужскую одежду – это деталь, в гораздо большей степени свойственная именно легендарным, а не волшебным сказкам. В этом варианте, по всей вероятности, вообще невозможно говорить о герое и помощнике, но только о двух равноправных героях.

В целом в рассмотренных сказочных типах распределение активности между матерью и детьми можно выразить схемой 3.

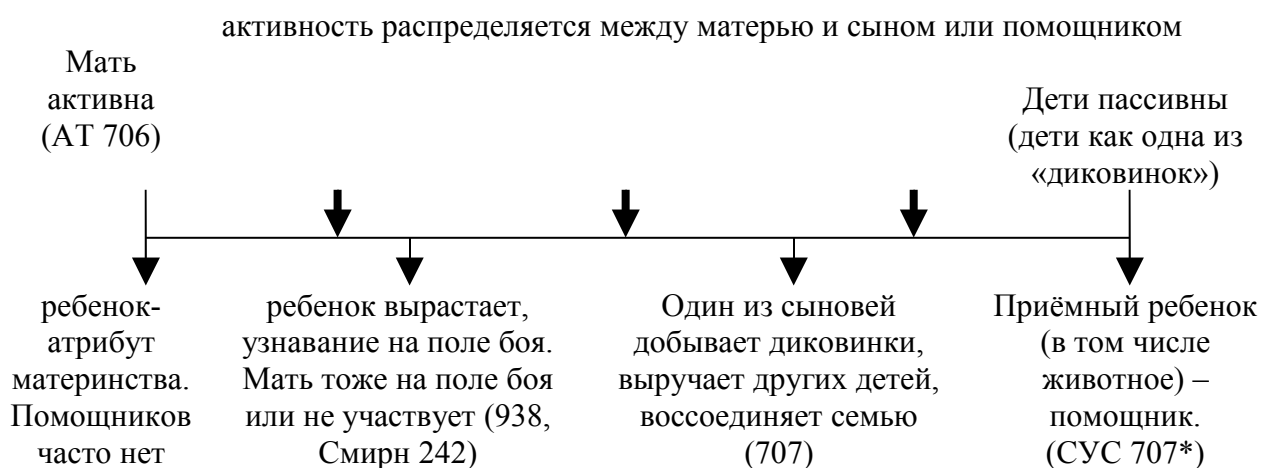

Схема 3

При этом если приёмный ребенок скорее должен рассматриваться как волшебный помощник (хотя при воссоединении семьи, как правило, специально оговаривается, что «лягуша» или «простые» дети также входят в семью), то чудесный сын героини может считаться и героем сказки.

Последняя пара персонажей, которая станет предметом нашего рассмотрения, – это доброжелательно относящиеся друг к другу брат и сестра. В волшебных сказках такая пара появляется прежде всего в типах 327А *Брат и сестра у ведьмы (колдуна, змея)*, 450 *Братец и сестрица* и 480А* *Сестра (три сестры) отправляется спасать своего брата*. Рассмотрим эти типы.

Сказки, относящиеся к типам 327А и 480А*, повествуют о спасении персонажей (часто детей) от Бабы-Яги или другого демонического существа: дети попадают в лесную избушку, Баба-Яга собирается их съесть, дети спасаются с помощью хитрости или убегают, в бегстве им помогают различные помощники. Заметим, что роли брата и сестры в этих типах различаются. Так, в сказочном типе 327А *Брат и сестра у ведьмы* оба персонажа могут быть активны в равной степени, как, например, в Смирн 143 «Сказка об

Иванушке и об Олёнушке», где брат и сестра обманывают Египобу вместе. Финал сказки выглядит так:

Взяли у Египобы все пожитки и деньги, слезли домой. Иванушко женился на царской дочери, а Олёнушка вышла за придворнова, пригожова молодца, за московского купца, и стали жить да быть и тепере живут.

Впрочем, в этом типе сказок большую активность может проявлять как брат, так и сестра.

В сказках, относящихся к типу 480А* *Сестра (три сестры) отправляется спасти своего брата* (например, Аф 113 «Гуси-лебеди»), брат всегда пассивен и является не столько полноправным персонажем, сколько объектом, за который идет борьба между вредителем и героиней. Заметим, кстати, что это один из немногих случаев, когда спасителем является девушка (девочка); как правило, спасение другого человека от демонического существа в волшебной сказке – дело сугубо мужское.

Рассмотрим теперь сказочный тип 450 *Братец и сестрица*. Вот описание этого типа в СУС:

Братец, идя с сестрицей по дороге, пьет воду из-под козлиного копыта и превращается в козленка; сестра выходит замуж; ведьма ее топит и подменяет (собой или своей дочерью), а козленка хотят зарезать; все выясняется.

В сказках этого типа героиней является сестра, что отчасти подтверждается и наличием сходных сюжетов о подменной жене, в которых брат отсутствует (например, 403 *Подменная жена*, 409 *Мать-рысь*). Определить же роль брата в этой сказке сложнее. Заметим, что только в очень небольшом числе вариантов этой сказки брат в конце приобретает человеческий облик (например, Аф 261 «Сестрица Аленушка, братец Иванушка»); чаще он так и остается козленком, хотя отмечается, что «и козельчику стало хорошо» (Аф 262). Братец оказывает некоторую помощь в спасении сестры, однако непосредственным спасителем чаще всего становится муж или слуги мужа.

Можно отметить, что вообще брат и сестра в волшебных сказках достаточно редко действуют совместно. Рассмотренные примеры, однако, показывают, что в таких случаях сестра чаще проявляет активность, чем брат, и в целом скорее является героиней сказки. Возможно, именно это послужило причиной появления сложной контаминации в сказке ЗелВ 11 «Про козла» (218В* *Небесная избушка* + 327 *Брат и сестра у ведьмы* + 450 *Братец и сестрица*). В этом варианте брат пассивен практически на протяжении всей сказки, сестра же активна в жилище козла-людоеда, и легко позволяет ведьме обмануть себя во второй части. Заметим также, что в этом варианте превращение брата объясняется не вполне привычно:

Только сестра ушла, козёл (попавший в печь вместо детей – *А.Р.*) закипел, побежал росол. Братец обмочил палец и лизнул. Когда сестра вернулась в ызбу, брат бежит ей навстречу и говорит: «Бя, сестрича! Бя, родима!» Он уж козелок.

Подведем некоторые итоги.

1) Одинаковая или почти одинаковая активность (когда сложно определить, кто именно из двух персонажей является героем сказки, а кто – помощником) возможна только для близких родственников. В наших примерах речь шла о братьях, брате и сесте, матери и ребенке, а также брачных партнерах – герое и его невесте-помощнице.

2) Согласно уже цитированному наблюдению Е.М. Мелетинского и его коллег, «чудесность» героя и его помощника находятся в обратно пропорциональной зависимости. В наших примерах это соотношение сохраняется только для пар герой – невеста-помощница и отчасти мать – чудесный ребенок. Братья и сестры в начале сказки по этому признаку не различаются; для сказок же, в которых действуют два брата, возможны различные соотношения магической силы между героями, однако существенно преобладают сказки, в которых между братьями нет различий.

3) Особого рассмотрения требует медиация в подобных сказках. Явление медиации, впервые описанное К. Леви-Строссом для мифа, имеет в волшебной сказке свои особенности. «Истинными медиаторами в старом мифическом смысле (как "промежуточные" существа) оказываются помощники и дарители, связанные с героем, но одновременно отделенные от него. Эти персонажи действительно как бы принадлежат двум мирам (своему и чужому) благодаря своей дружественности к герою, иногда подкрепляемой и родственными с ним отношениями (покойные родители и т.п.). Что касается самого героя, то он в основном не промежуточен. Сказочный герой не только побеждает представителя враждебного принципа, создавая почву для общей перемены (в этом он адекватен мифическому герою). Он, особенно в специфически сказочных сюжетах с семейными конфликтами, совершает медиацию, переходя из одного статуса в другой, доказывая возможность преодоления отрицательного начала, заключенного в оппозиции, не за счет его уничтожения, а за счет либо его трансформации в положительное, либо за счет собственного перехода в область положительного» [Мелетинский и др. 2001: 44].

Итак, можно сказать, что в волшебной сказке герой и помощник осуществляют различные типы медиации: герой – медиатор на уровне сюжета, помощник – на уровне семантических оппозиций, существо, принадлежащее одновременно «своему» и «чужому» миру. А как обстоят дела в наших примерах?

Первое, что можно заметить, – это то, что не только положение героя сказки, но и положение его помощника-партнера обязательно изменялось к лучшему. Иными словами,

и герой, и его помощник-партнер являются медиаторами на уровне сюжета. При этом промежуточное положение между своим и чужим миром занимает только один персонаж из рассмотренных, невеста-помощница: она дочь демонического существа, она обладает магической силой и одновременно является невестой или женой героя, помогая ему во всех испытаниях. Во всех остальных случаях помощник-медиатор, промежуточный между «своим» и «чужим» мирами может и вовсе отсутствовать.

4) Заметим также, что если герой и помощник в сказках с двумя активными персонажами всё-таки отличаются по степени «чуждости» (например, такие пары, как сын купца – дочь Водяного или мать – чудесный ребенок), то более чудесный персонаж активнее и в целом ближе к помощнику, чем собственно к герою сказки.

5) Наконец, следует отметить, что появление персонажей, занимающих промежуточное положение между героем и помощником, возможно лишь в достаточно распространенных сказочных сюжетах. Это явление не возникает на пустом месте. Так, сказок, в которых действует мужчина, намного больше, чем так называемых «женских» сказок. Мы видим, что и отношения между братьями в целом гораздо разнообразнее, чем отношения между сестрами. То же можно сказать и о характере брачных партнеров героя или героини: типов чудесных невест в волшебной сказке намного больше и роли их разнообразнее, чем возможные роли чудесных женихов.

Итак, близкие родственные отношения между героем и помощником при условии, что тот и другой принадлежат, хотя бы отчасти, миру людей, могут достаточно серьезно изменить взаимоотношения персонажей волшебной сказки и тем самым сказочный канон.

При этом однополые персонажи (братья или сестры) могут также действовать как единый герой либо, напротив, вступить в отношения соперничества. Для разнополых пар (брат – сестра, мать – сын, жених – невеста) действовать как единый персонаж – даже при наличии общих целей – практически невозможно.

Литература

Аф – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Тт. I-III / Под ред. Л.Г. Барага, Н.В. Новикова. – М.: Наука, 1984-1985.

ЗелВ – Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д.К. Зеленина / Изд., подгот. Т.Г. Иванова. СПб.: Тропа Троянова, 2002. – 736 с. – (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т. 7).

Кербелите 2005 – Кербелите Б. Типы народных сказок: Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 2005. – 724 с.

Кербелите 2006 – Кербелите Б. Новые возможности структурно-семантической классификации сказок // Проблемы структурно-семантических указателей: Сборник статей / под ред. А.В. Рафаевой. – М: РГГУ, 2006. – С. 93 – 112.

Костюхин 1997 – Костюхин Е.А. Сказки, которые плохо кончаются // Живая старина, 1997, №4. С. 15 – 18.

Леви-Стросс 1999 – Леви-Стросс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 406 с. – (Книга света).

Мелетинский и др. 2001 – Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. С. 11 – 121.

Озар – Озаровская О.Э. Пятиречие. СПб.: Тропа Троянова, 2000. – 543 с. – (Полное собрание русских сказок. Довоенные собрания. – Т. 4).

Онч – Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1998. - 476 с. Кн. 1, 2. – (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т. 1).

Пропп 1998 – Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки / Ст. Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой, Сост., текстол. комм. И.В. Пешкова.– М.: Лабиринт, 1998. – 512 с. (Собрание трудов В.Я. Проппа.)

Рафаева 1999 – Рафаева А.В. Мотив параллелизма персонажей и его место в сюжете волшебной сказки // Мировое древо, 1998, N 6. С. 19 – 29.

Сиб – Русские сказки и песни в Сибири. СПб.: Тропа Троянова, 2000. – 606 с. – (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т. 3).

Смирн – Великорусские сказки архива Русского географического общества. Сборник А.М. Смирнова. В 2 книгах. СПб.: Тропа Троянова, 2003. – 479 с. – (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т. 9.).

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет по фольклору; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. — 437 с.

АТ – Thompson S. The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography. Anti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Third printing. – Helsinki, 1973. – (FFC №. 184).